
ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ КАК СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ

С.П. Пономарь

Кафедра прикладной политологии
Государственный Университет — Высшая школа экономики
Кочновский проезд, 3, Москва, Россия, 125319

Теория социального капитала в конце XX века заняла важное место в арсенале целого ряда социальных наук, в первую очередь экономики, политологии и социологии.

Накопление социального капитала благоприятствует социально-экономическому развитию, поскольку взаимное доверие снижает транзакционные издержки и способствует распространению общественно полезной информации.

Термин «социальный капитал» в конце XX века приобрел широкую популярность не только в академическом сообществе, но и далеко за его пределами. В течение последних десятилетий прошлого века концепция социального капитала стала одним из наиболее популярных теоретических продуктов, востребованных в общественно-политической публицистике.

Этим термином часто оперируют политики и журналисты, для которых социальный капитал превратился в своеобразную панацею от всех болезней общественного организма. Суть концепции социального капитала состоит в утверждении, согласно которому вовлечение индивида в групповую деятельность может иметь ряд позитивных последствий и для него самого, и для сообщества в целом.

В этом ключе термин «социальный капитал» использовала еще в 1961 году Джейн Джекобс в ее исследовании детской и подростковой преступности в разных городских кварталах. Свойство, которым различались кварталы с высоким и низким уровнем вовлеченности людей в дела местного сообщества, Дж. Джекобс назвала социальным капиталом. Она определила социальный капитал как «сложную сеть социальных отношений, создаваемую в течение длительного времени, которая обеспечивает взаимную поддержку в трудные времена, увеличивает степень безопасности на улицах и усиливает чувство гражданской ответственности» [21. Р. 118].

Один из наиболее активных апологетов теории социального капитала Роберт Патнэм, склонный объяснять многие болезни общества ослаблением связей между его членами, отстранением людей друг от друга и снижением их общественной активности, положил начало заимствованию концепции социального капитала политической наукой. В рамках предложенного им подхода социальный капитал означает свойство социальных организаций, способствующее распространению взаимного доверия, облегчающего сотрудничество в общих интересах [17. Р. 35—42]. Последователи Р. Патнэма обычно считают, что для обществ

с большим запасом социального капитала характерен высокий уровень политического участия, проявляющийся в членстве в политических ассоциациях, высокие тиражи политических газет и т.д.

Не удивительно, что в современной политической науке социальный капитал изучается в качестве свойства больших человеческих сообществ, в особенности стран и регионов. С этой точки зрения рейтинги стран и регионов строятся, как правило, на основе результатов массовых опросов о том, в какой мере граждане доверяют друг другу и различным общественным институтам, а также участия граждан в деятельности различных добровольных ассоциаций [18. Р. 15—20]. Иногда в качестве дополнительного аспекта социального капитала используют также показатели электоральной активности и другие данные, свидетельствующие о степени вовлеченности граждан в политический процесс [17. С. 122].

Однако социальный капитал выступает не только в качестве элемента «общего блага». Он может также являться фактором конкурентного преимущества людей и организаций. Известный французский социолог Пьер Бурдьё определил социальный капитал как «совокупность реальных или потенциальных ресурсов, связанных с обладанием устойчивой сетью более или менее институционализированных отношений взаимного знакомства и признания — иными словами, с членством в группе» [2. С. 66]. Поэтому от отдельного человека требуются осознанные инвестиции в установление и поддержание социальных связей. В рамках этого подхода социальные сети существуют именно потому, что максимизируют выгоды их участников, предоставляя каждому доступ к ресурсам партнеров. Понимаемый таким образом социальный капитал может быть легко конвертирован в капитал экономический. Человек находит «по знакомству» хорошую работу, или дешевле снимает квартиру. Предприниматель «по знакомству» получает доступ к кредиту быстрее и на более выгодных условиях. Даже в бытовой лексике бизнесменов активно используется понятие «кредит доверия» [1. С. 126—159, С. 128]. Фирма, пользующаяся доверием поставщиков и потребителей, образующих своеобразную сеть, а также соблюдающая нормы, принятые в бизнес-сообществе, приобретает благоприятную репутацию, отражающуюся на прибыли и капитализации компании.

Аналогичная ситуация складывается и в политике. Для политических партий актуальны все соображения, высказанные выше. Партия, пользующаяся доверием избирателей и поддерживающая устойчивые отношения с контрагентами (общественными организациями, деловыми структурами и различными группами интересов) может получить преимущество перед конкурентами. Мы рассмотрим, каким образом партии используют два важнейших элемента социального капитала: социальные сети и доверие.

Здесь, конечно, необходимо проводить различие между кадровыми и массовыми партиями, по терминологии М. Дюверже (см.: [6]). Для массовых партий многочисленные партийные организации представляют собой основной организационный и даже финансовый ресурс, поскольку партийный аппарат содержится

за счет членских взносов, а при проведении избирательных кампаний партии этого типа полагаются на трудозатратные методы коммуникации, такие, как кампания «от двери к двери». Кадровые партии не стремятся наращивать членскую базу, поскольку их финансирование обеспечивают бизнес-структуры, а в период избирательной кампании они доносят информацию до избирателей при помощи СМИ.

Массовые партии выстраивают опору на формализованную социальную сеть, состоящую из членов партии. Принято выделять два вида стимулов к членству в политических партиях: коллективные и селективные. Коллективные стимулы связаны с идеологией и поиском единомышленников. Идеологически мотивированный гражданин не стремится к материальным выгодам. Наоборот, он готов поддерживать партию взносами и выполнять для нее некоторые виды работ на безвозмездной основе. В качестве компенсации он получает, главным образом, чувство психологического комфорта от участия в общем «праведном» деле. Наиболее распространенным селективным стимулом для вступления в партию является желание сделать политическую карьеру, что обычно предполагает победу на выборах в различные органы государственной власти с помощью партийных ресурсов [4. С. 16].

Селективные стимулы важны также для членов кадровых партий, но, костяк кадровых партий составляют, в основном, нотабли, то есть люди, уже обладающие весомым социальным статусом. В их случае речь идет, скорее, не о карьерном росте как таковом, а о конвертации одного ресурса в другой (например, финансового капитала в политический). Предприниматель, желающий пожертвовать партии пару миллионов долларов в обмен на кресло депутата Государственной Думы, не обнаруживает в этой сделке ничего принципиально отличающего политику от бизнеса. У кадровых партий, таким образом, существуют свои сети, но они невелики по масштабам и менее формализованы.

Для массовых партий привлечение большого количества членов жизненно необходимо. Классическим примером массовых партий принято считать коммунистические партии Западной Европы. В зените своего организационного могущества они привлекали в свой состав миллионы представителей рабочего класса. Им удавалось эффективно отстаивать интересы работников, занятых физическим трудом, за счет чего были сформированы крепкие связи с профсоюзами и устойчивые партийные идентификации значительной части избирателей, формально не вступивших в партию, но с готовностью голосующих за нее на всех выборах в течение многих десятилетий. Собственно, партийную идентификацию и можно считать показателем доверия избирателей к политической партии. Доверие как раз и помогает снижать издержки на сбор и обработку информации. Избиратель, идентифицирующий себя с определенной партией, может позволить себе не тратить силы и время на изучение программ конкурентов, поскольку его выбор предопределен.

Однако в конце XX века массовые партии в развитых западных странах столкнулись с вызовом модернизации социальной жизни. Переход к постиндуст-

риальному обществу сопровождался уменьшением количества «синих воротничков», что подорвало позиции традиционных профсоюзов. Рост благосостояния и образования наемных работников в целом сделал менее четкими классовые различия в образе жизни, в результате чего оказались размыты прежние групповые идентичности. Все чаще основным мотивом электорального выбора становилась не манифестация лояльности гражданина к социальной группе или политической партии, а оценка избирателем результатов деятельности правящей на данный момент партии или конкретного политического лидера. Именно эти тенденции привели к росту популярности в политической науке теоретической модели рационального электорального выбора.

Кроме того, выяснилось еще одно немаловажное обстоятельство. Сеть партийных активистов в определенной ситуации может превратиться в гирю на шее партии, препятствующую электоральному успеху. Если активисты руководствуются не карьерными соображениями, а именно приверженностью идеологии, то степень их идеологического радикализма часто выходит за рамки, приемлемые для большинства избирателей. В результате партия сдвигается из центра политического спектра к краю, теряя шанс на поддержку неидеологизированного «среднего» избирателя.

Показательна в этом отношении история Лейбористской партии Великобритании. В 1979 году лейбористы потеряли большинство в парламенте, уступив власть консерваторам во главе с Маргарет Тэтчер. Избиратели были разочарованы результатами политики активного вмешательства государства в экономику, которая включала в себя национализацию ряда отраслей промышленности и создание режима наибольшего благоприятствования в отношении профсоюзов. Критики утверждали, что именно лейбористы несут ответственность за уменьшение предпринимательской активности и разрушение трудовой этики, а также снижение темпов экономического роста. Казалось бы, партия должна была учесть недовольство избирателей и скорректировать свою программу таким образом, чтобы вернуть симпатии большинства. Но развитие событий пошло по другому сценарию. Контроль над партией перешел в руки левых активистов, выступавших за еще более масштабную национализацию и одностороннее ядерное разоружение страны. Только серия поражений на парламентских выборах 1983, 1987 и 1992 годов заставила партийное руководство смириться с мыслью о необходимости изменения электоральной стратегии и принципов внутрипартийной организации.

Новому партийному руководству во главе с Тони Блэром с большим трудом удалось освободиться от контроля со стороны профсоюзов и свести к минимуму роль партийных активистов левого толка. После этого сдвиг в центр политического спектра не вызвал затруднений и принес ожидаемую победу. Успех британских лейбористов на выборах 1997 года считается классическим примером выхода политической партии из затяжного кризиса с помощью выбора верной политической стратегии. Однако в это же время (между 1990 и 1999 годами) радикально снизилась численность самой партии [19. Р. 88].

Аналогичные процессы происходили в конце прошлого столетия и в других странах. По утверждению американского политолога Эрика Усланера, «чрезмерный запас социального капитала может повлечь за собой неудачу на выборах» [22. Р. 12—13]. В современных высококонкурентных избирательных кампаниях партийные лидеры напрямую обращаются к избирателям посредством СМИ, минимизируя роль партийных активистов. Партия, опирающаяся на активистов, лишается необходимой идеологической гибкости.

Вместе с тем необходимо признать, что имеющиеся данные о динамике членства в политических партиях весьма противоречивы. Поскольку не существует универсального определения «партийного членства» для разных стран и разных партий, под это понятие подпадают порой совершенно различные практики. В США членами партий принято называть граждан, которые указывают свою партийную принадлежность (в основном, к одной из двух ведущих партий) при регистрации на избирательных участках. Это не означает, что они каким бы то ни было образом принимают участие в деятельности партийных организаций. При этом они могут вполне открыто заявить, что на данных выборах собираются проголосовать за кандидата от другой партии. В то же время члены большинства европейских социалистических партий обязаны выплачивать членские взносы и периодически посещать партийные мероприятия.

Можно с определенной уверенностью утверждать лишь о снижении показателей «жесткого» партийного членства, предполагающего реальное вовлечение гражданина в деятельность партийной организации. Заметное снижение соответствующих показателей между 1980 и 2000 годами было зафиксировано во Франции, Италии, Великобритании, Норвегии, Финляндии, Голландии, Австрии, Швейцарии, Швеции, Дании, Ирландии, Бельгии и Германии [13. Р. 7—22]. При этом, как свидетельствуют данные сравнительных социологических исследований, на вопрос о принадлежности к партиям граждане этих же стран дают утвердительный ответ не реже, чем 10 и 20 лет назад [16. Р. 12]. Можно предположить, что многие европейские партийные лидеры удивились бы, узнав, как много сограждан считают себя членами возглавляемых ими партий.

Несмотря на то, что вопрос о тенденциях в развитии института партийного членства допускает противоречивые интерпретации, есть аспект проблемы, относительно которого мнения исследователей сходятся. Самые низкие уровни принадлежности к политическим партиям демонстрируют посткоммунистические страны, и в особенности страны бывшего СССР. В середине 1990-х годов, на вопрос социологов о принадлежности к политическим партиям положительно ответили 1,1% респондентов в Польше, 1,6% — в Украине, 1,8% — в Белоруссии, 1,9% — в России, 2% — в Эстонии, 2,9% — в Молдове, 3,2% — в Литве и 3,3% — в Латвии. Для сравнения: в Индии на этот же вопрос ответили положительно 18,6% респондентов, в Швейцарии — 16,9%, в Швеции — 15,1%, в Бразилии — 14,3%, в Южной Корее — 11,8%, в Финляндии — 9,8%, в Австралии — 9,6% [16. Р. 13]. Данные опросов в действительности отражают, скорее, не показатели партийного членства в формате, обычном для массовых пар-

тий, а партийную самоидентификацию граждан. Как мы видим, в России этот показатель сравнительно невелик.

Большинство российских партий не обременено излишним социальным капиталом. Граждане редко вступают в политические партии и не идентифицируют себя с ними.

Вместе с тем фактор социального капитала позволяет объяснить такие парадоксы российской политики, как, с одной стороны, относительно устойчивый рейтинг КПРФ на протяжении всего постсоветского периода нашей истории, так и резкое падение результатов на выборах у таких партий, как «Демократический Выбор России» (ДВР) (в 1993 году у партии ДВР было — 15,5%, в 1995 году — 3,9%) и «Наш Дом — Россия» (НДР) (в 1995 году — 10,1%, в 1999 году — 1,2%). Очевидно, что КПРФ в наибольшей мере опирается на стабильную членскую базу и пользуется ресурсами социальных сетей. Г. Голосов и Ю. Шевченко, основываясь на анализе региональной электоральной статистики, утверждают, что «влияние КПРФ и АПР в некоторых регионах России строится на их включенности в плотные сельские социальные сети» [5. С. 120]. По их данным, в 1990-х годах развитию партий в целом способствовали именно разреженные социальные сети. В то время избирательная система предоставляла значительно больше возможностей для карьеры так называемых «независимых» кандидатов, поэтому «объемы социального капитала действующих законодателей, чиновников и экономических управленцев позволяли им пренебрегать партийной принадлежностью» [5. С. 119].

Изменения законодательства в ходе политической реформы 2004 года уменьшили возможность политической карьеры вне партий (скорее, просто сделали ее невозможной). Кроме того, массовый переход регионального начальства под знамена «Единой России» наделил эту партию огромным объемом социального капитала. Правда, речь идет, главным образом, о ресурсах вертикальных сетей, основанных на патронажно-клиентельных отношениях.

В настоящее время социальный капитал является важным фактором стабилизации российской партийной системы. Однако именно те аспекты социального капитала, на которые опираются российские политические партии, не помогают, а, скорее, препятствуют завершению процесса демократизации нашей страны.

Целый ряд исследователей придерживается точки зрения, что социальный капитал оказывает не только позитивное, но и негативное воздействие на процесс посткоммунистической общественной трансформации [20. Р. 243—256]. Некоторые авторы акцентировали внимание на том обстоятельстве, что социальные сети в посткоммунистических странах часто объединены антиобщественными интересами. «Посткоммунистические сети, — утверждает немецкий исследователь М. Татур, — могут пониматься как форма проявления точной противоположности гражданского общества. Они — в институциональной преемственности номенклатуры — основаны на персональной лояльности и оппортунизме и имеют своей целью осуществление частных интересов» [9. С. 189].

В период разрушения прежней социальной системы именно неформальные связи стали ключом к экономическому и политическому успеху. Дж. Коланкевич, опираясь на традицию, заложенную П. Бурдьё, подчеркивает взаимозаменяемость различных видов капитала. По его мнению, на начальных этапах посткоммунистической трансформации недостаток финансового капитала компенсировался с помощью опоры на социальные связи. Так осуществлялась приватизация в интересах предпринимателей, близких к власти, или налаживались взаимозачеты и бартерные обмены [12. Р. 427—441].

Веселин Ганев подчеркивает, что в посткоммунистическом мире «господство сетевых структур будет систематически обеспечивать определенные выгоды их кадрам» [3. С. 189]. Он определяет сетевые структуры как «образования, действующие по принципу ограниченного доступа. В определенных социальных сферах сетевые структуры будут образовывать вполне определенные группы лиц, в то время как другие лица будут лишены доступа в эти сетевые структуры и, соответственно, к данной форме координированной экономической деятельности» [3. С. 187]. Как утверждает В. Ганев, «сетевые структуры в бывшем социалистическом мире формируются в основном номенклатурой, злоупотребляющей своей властью» [3. С. 190]. В значительной степени из-за этого сетевые структуры ассоциируются «с такими одиозными явлениями, как закрепление неравенства, концентрация доходов, злоупотребление властью и хроническая неэффективность».

В. Ганев обратил внимание на то обстоятельство, что доступ к социальным связям в условиях резкого увеличения социального расслоения быстро превращается в весьма дефицитный ресурс для граждан, оказавшихся на низших ступенях социальной лестницы. Например, чтобы заняться бизнесом в условиях социальной трансформации, когда быстро и многократно меняются правила игры, часто необходим доступ к инсайдерской информации. Не все важные документы публикуются в открытой печати. При этом члены социальных сетей, имеющих доступ к закрытой информации и получающих выгоду от распоряжения ею, сознательно и очень активно препятствуют «нормализации» социальной обстановки [10. Р. 1—25].

М. Рэйзер утверждает, что основным препятствием для успешной экономической трансформации в регионе Восточной Европы стало именно преобладание неформальных институтов, основанных на инсайдерских социальных сетях, над формальными институтами, не укорененными в социальных практиках (см.: [18]).

В политике преобладающая роль социальных сетей может означать, что формальные политические институты приобретают имитационный и фасадный характер. Так, партийная конкуренция становится малозначимой, если все властные рычаги находятся в руках неформальной группы, объединенной вокруг лидера. Губернатор в российском регионе может назначить «своих» людей курировать различные политические партии, формально конкурирующие друг с другом.

Один вице-губернатор отвечает за «Единую Россию», второй — за «Справедливую Россию», а третий — за КПРФ. Но если какая-то региональная партийная организация выйдет из-под контроля губернатора и переориентируется на мэра большого города или на крупного предпринимателя, то конкуренция становится реальной и даже очень острой. Проблема в том, что это — конкуренция между кланами, слегка закамуфлированная идеологическими различиями партийных программ.

Иначе говоря, критики подвергли сомнению благотворную роль, выполняемую в условиях посткоммунистической трансформации одним из основных элементов социального капитала — социальными сетями. Но и более существенный аспект этого феномена, а именно доверие, также не остался без критического анализа.

Британские политологи Н. Летки и Дж. Иванс поставили под вопрос традиционную объяснительную схему, согласно которой успешность демократизации зависит от уровня доверия граждан к политическим институтам. Согласно их точке зрения, данная логика в условиях посткоммунистической трансформации не работает. Скорее наоборот: успешная демократизация порождает эффективные политические и экономические институты, которым граждане могут доверять. Это доверие затем способствует росту политического участия.

Доверие в действительности должно опираться на реальный опыт. Большинство исследователей считают чем-то само собой разумеющимся, что в посткоммунистических странах уровень доверия граждан по отношению к политическим институтам не может быть высоким. Политические институты коммунистической эпохи полностью дискредитировали себя в глазах большинства населения, а период становления новых институтов пришелся на эпоху трансформационного экономического спада.

Применительно именно к политическим партиям мы можем выделить два аспекта социального капитала, препятствующие формированию по-настоящему конкурентной и стабильной партийной системы, и один аспект, оказывающий позитивное воздействие на этот процесс.

Опора на вертикально интегрированные сетевые структуры патронажно-клиентального типа, несомненно, вредит демократизации российской политики, а также формированию стабильного партийного спектра. Многочисленные взлеты и падения различных «партий власти» в посткоммунистической России убедительно демонстрируют угрозы, связанные с реализацией подобной электоральной стратегии. Что станет, к примеру, с «Единой Россией», если она вдруг утратит поддержку президента и сразу лишится подпорки в виде административного ресурса сетей региональных элит? Есть все основания считать, что подобный сценарий для данной партии может стать фатальным.

Второй аспект социального капитала, оказывающий негативное воздействие на российскую партийную политику — чрезмерное доверие к партийным лидерам. Наиболее характерный пример российской лидерской партии — это,

конечно же, ЛДПР. Что случится с этой партией, если В. Жириновский вдруг уйдет на покой? Вероятнее всего, в этой ситуации она немедленно рассыплется, утратив основной фактор электорального успеха. Нечто похожее произошло ранее с партией «Яблоко». Ее лидер не ушел, но он утратил популярность среди избирателей, и партия не смогла найти ему адекватную замену. Высокий уровень голосования за «Единую Россию» также обусловлен, отчасти, тем, что эта организация ассоциируется с очень популярным президентом. Конечно, нельзя утверждать, что голосование за ЛДПР, «Яблоко» и «Единую Россию» в принципе никогда не несло идеологической нагрузки, а было обусловлено исключительно популярностью лидеров. Но ориентация избирателей преимущественно на лидера, а не на партию, осложняет задачу адаптации партий к процессу естественной смены руководства.

Таким образом, опора на вертикальные и неформальные социальные сети, а также доверие к лидерам мы можем отнести к числу негативных аспектов социального капитала.

Однако существует и позитивный аспект этого феномена, возникающий в случае, когда партия опирается на так называемые «сильные ослабленные связи» (если использовать терминологию американского социолога Марка Грановеттера) [11. Р. 201—233]. Речь идет о разреженных социальных сетях, объединенных общими интересами и не слишком плотным общением. В разреженных социальных сетях друзья одного человека, как правило, не знают друг друга. Но в этих сетях взаимодействие обычно обусловлено наличием общих интересов.

Примером электоральной стратегии, основанной на использовании «сильных ослабленных связей», является трансформация, произошедшая с КПРФ, когда, утратив свои доминирующие позиции в сельской местности в результате массированного административного давления, эта партия сумела усилить свои позиции в мегаполисах. КПРФ фактически все больше превращается в партию бюджетников, ностальгирующих по социальной защищенности советских времен. Как утверждает И. Пономарев: «если компартия образца 1996 г. — это было, прежде всего, село и очень слабая позиция в городах, то компартия образца 2006 г. — это, наоборот, исключительно города и почти «по нулям» на селе. И чем крупнее и развитее город, тем больше компартия там набирает». Опора на реальные социальные интересы помогает партии обходиться без постоянного доступа к электронным СМИ и масштабного финансирования. Разреженные сети почти не поддаются административному давлению, но вполне способны выступать в качестве канала политической коммуникации.

Таким образом, социальный капитал является фактором, оказывающим противоречивое, но весьма существенное воздействие на процесс формирования российской партийной системы. Можно ожидать, что по мере укрепления гражданского общества, в особенности органов местного самоуправления, а также развития региональных и территориальных общественных и некоммерческих организаций воздействие негативных аспектов этого феномена будет ослабевать, а позитивных — усиливаться.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Блом Р., Мелин Х., Сарно А., Сарно И. Социальный капитал доверия и менеджеральные стратегии // Мир России. — 2005. — № 2.
- [2] Бурдые П. Формы капитала // Экономическая социология. — 2002. — Т. 3. — № 5.
- [3] Ганев В. Заметки о сетевых структурах в посткоммунистических обществах // Конституционное право: восточноевропейское обозрение. — 2000. — № 2.
- [4] Голосов Г.В., Мелешкина Е.Ю. Политические партии и выборы. — СПб.: Борей-Арт, 2001.
- [5] Голосов Г., Шевченко Ю. Социальные сети и электоральное поведение // Политическая социология и современная российская политика / Под ред. Г.В. Голосова, Е.Ю. Мелешкиной. — СПб.: Борей-принт, 2000.
- [6] Дюверже М. Политические партии. — М.: Академический проект, 2000.
- [7] Пеишков В., Васильцов С. КПРФ и электорат мегаполисов: новые тенденции, изменения ориентаций избирателей // <http://www.cipkr.ru/research/ps/politsociology070603.htm>
- [8] Пономарев И. КПРФ: вчера, сегодня, завтра // http://www.spravedlivo.ru/press/section_20/3578.smx
- [9] Тамур М. Экономическая трансформация, государство и моральные ресурсы в посткоммунистических обществах // Повороты истории. Постсоциалистические трансформации глазами немецких исследователей: В 2 т. — Т. 1: Постсоциалистические трансформации: теоретические подходы. / Ред.-сост. Петра Штыков, Симона Шваниц. — СПб.: Летний сад, 2003.
- [10] Ganev V. The Dorian Gray Effect: winners as state breakers in post communism // Communist and Post-Communist Studies. — 2001. — Vol. 34. — № 1.
- [11] Granovetter M. The Strength of Weak Ties: A Network Theory Revisited // Sociological Theory. — 1983. — Volume 1.
- [12] Kolankiewicz G. Social capital and social change // British Journal of Sociology. — 1996. — Vol. 47 (3), September.
- [13] Mair P., Van Biezen I. Party membership in twenty European democracies 1980—2000 // Party Politics. — 2001. — Vol. 7. — № 1.
- [14] Marsh C. Social Capital and Democracy in Russia // Communist and Post-Communist Studies. — 2000. — Vol. 33. — № 2.
- [15] Norris P. Making Democracies Work: Social Capital and Civic Engagement in 47 Societies. Paper for the European Science Foundation EURESCO Conference on Social Capital: Interdisciplinary Perspectives at the University of Exeter, 15—20 September 2000.
- [16] Norris P. Mapping Party Activism. Chapter 6 // Democratic Phoenix: Reinventing Political Activism. — Cambridge: Cambridge University Press, 2003 // <http://ksghome.harvard.edu/~pnorris/ACROBAT/everyvoice/chapter6.pdf>
- [17] Putnam R. The prosperous community: social capital and public life // American Prospect. — 1993. — Vol. 13.
- [18] Raiser M. Informal institutions, social capital and economic transition: reflections on a neglected dimension // European Bank for Reconstruction and Development Working paper. — 1997. — № 25.
- [19] Seyd P., Whiteley P. New Labour's Grassroots: The Transformation of the Labour Party Membership. — London: Palgrave Macmillan, 2002.
- [20] Sotiropoulos D. Positive and negative social capital and the uneven development of civil society in Southeastern Europe // Southeast European and Black Sea Studies. — 2005. — Vol. 5. — № 2.
- [21] Thomas E. Local Participation in Development Initiatives: the Potential Contribution of an Understating of Social Capital // Urban Forum. — Apr 2002. — Vol. 13. — Issue 2.

- [22] *Uslaner E. Political Parties and Social Capital, Political Parties or Social Capital // Handbook of Political Parties / Edited by Richard S. Katz and William Crotty. — London: Sage Publications, 2004 // <http://www.bsos.umd.edu/gvpt/uslaner/partiessocialcapital.pdf>.*

POLITICAL PARTIES AS SOCIAL NETWORKS

S.P. Ponomar

The Department of Applied political science
State university — Higher school of economics
Kochnovskiy proezd, 3, Moscow, Russia, 125319

At the end of the XX-th century the theory of social capital was highly acclaimed and used by specialists of different social studies, in particular, economists, political scientists and sociologists.

Social capital accumulation is favorable to socio-economic development, because mutual trust reduces transaction costs and contributes to dissemination of socially useful information.